
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

DOI 10.24411/1813-145X-2019-10533

УДК 008

С. А. Никольский <https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Интеллигенция и народ: попытки сближения и просвещения

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-03-00185-а
«Отечественная литература в культуре современной России: философский анализ»

Проблема отношений народа и интеллигенции – одна из фундаментальных в отечественной философии культуры. И хотя она была глубоко осмыслена философами досоветского периода, в не меньшей степени также стала предметом рассмотрения в философствующей литературе XIX и XX столетий. Многовековое пребывание в крепостном праве крестьян и столь же длительное господство над ними со стороны помещиков и других сословий сделало отношения этих двух народов России не только чуждыми, но и глубоко враждебными. У них не было общей хозяйственной жизни или форм культурного общения. У них не было даже общего языка. По этой причине непонятными чужаками для земледельцев оказались стремившиеся подражать Европе передовые помещики. Таков был и финал содержательных контактов, которые пробовали установить с крестьянами рядившиеся под них разночинцы-революционеры 70-х гг. XIX в. В то время их главной задачей было избрано просвещение темной деревни посредством попытки привить крестьянам передовые, как им виделось, способы хозяйствования и общественной жизни. Задаче этой не суждено было быть выполненной. Размышлениям об отсутствии понимания между крестьянством и господами при всей разности их изначальных мировоззренческих установок посвятили страницы своих произведений многие отечественные авторы, но прежде всего – Иван Тургенев и Лев Толстой. Для автора романа «Анна Каренина» и рассказа «Утро помещика» крестьянство – человеческий эталон и в чем-то недосыгаемый для господ образец подражания. Для автора романов «Отцы и дети», а в дальнейшем и «Нови» – это особые человеческие типы, заслуживающие как подражания, так и порицания.

Ключевые слова: философия, литература, история, культура, народ, интеллигенция, власть, просвещение, террор.

THEORETICAL ASPECTS TO STUDY CULTURAL PROCESSES

S. A. Nikolsky

Intelligentsia and the people: attempts of rapprochement and enlightenment

The problem of relations between the people and the intelligentsia is one of the fundamental in the national philosophy of culture. And though it was deeply comprehended by philosophers of the pre-Soviet period, in no less degree it also became a subject of consideration in the philosophizing literature of the XIX and XX centuries. The centuries-old stay in serfdom of peasants and equally long domination over them by landowners and other estates made the relations of these two peoples of Russia not only alien, but also deeply hostile. They had no common economic life or forms of cultural communication. They did not even have a common language. For this reason, incomprehensible to outsiders, the farmers were seeking to emulate Europe's leading landowners. That was the final meaningful contacts that have been tried to establish with the peasants by under them commoner-revolutionaries of the 70-ies of the XIX century. At that time, their main task was to enlighten the dark village by trying to instill in the peasants advanced, as they saw it, ways of managing and social life. This task was not destined to be fulfilled. Many Russian authors, but first of all Ivan Turgenev and Lev Tolstoy, devoted many pages of their works to reflections on the lack of understanding between the peasantry and the masters, despite the difference in their initial worldview. For the author of the novel «Anna Karenina» and the story «The Landowner's Morning» the peasantry is a human standard and in some ways unattainable

for the masters a role model. For the author of the novels «Fathers and sons» and later «Novi» these are special human types, which are worthy of imitation as well as censure.

Keywords: philosophy, literature, history, culture, people, intellectuals, power, education, terror.

* * *

Разрушительные и созидательные общественные процессы, протекавшие в России во второй половине XIX и в начале XX столетия, в немалой степени определялись отношениями народа и интеллигенции. Узкий слой образованных людей именовал себя «интеллигенцией» – этим не переводимым на иностранные языки словом – не в последнюю очередь потому, что ставил перед собой цель изобрести и испробовать на практике способы, которые быстро переменяли бы судьбу полудикой российской деревни. И хотя основной толчок такого рода усилиям дала реформа Александра II, отменившая крепостное право, размышления о благих переменах в жизни крестьян в сознании «народолюбцев» – либерально настроенных помещиков и интеллигентов-разночинцев – зрели давно.

В длинном перечне имен философствующих отечественных писателей, обращавшихся к теме интеллигенции и народа, возможно, наибольшего внимания заслуживают жившие в дореформенной и пореформенной России И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой и отчасти А. М. Горький [3] – не только писатели, но и знатоки крестьянской жизни, равно как и жизни мещанства малых городов.

Кроме эпохального события – отмены крепостничества, дерево просветительства деревни, выросшее на этой почве, в конце 70-х гг. пустило новый, ранее неизвестный росток – революционный террор. Его вершиной стало убийство 1 марта 1881 г. царя-реформатора. И хотя о революционном терроре в России и за рубежом написано много, одно из наиболее адекватных представлений о «Народной воле» как террористической организации, выросшей из радикальной интеллигентской мысли, дал спустя столетие советский писатель Юрий Трифонов [6] своей повестью «Нетерпение» (1973), к которой я обращаюсь во второй части статьи.

Нетерпение (включающее в себя радикализм, ограниченное понимание и узкое целеполагание, поспешность, готовность жертвовать не только собой, но и другими), безусловно, имело место в отношениях тех, кто понимал и, как они думали, знал способ изменить жизнь русского крестьянина. Но имевшие место исследования, в том числе и трифоновское «нетерпение», не объяснили, почему те, кому хотели помочь, не поняли ни жела-

ний, ни мыслей, ни добрых намерений доброхотов. А ведь все это важно для осмысления неудачи произошедшей в российской истории встречи крестьянства и интеллигенции как общественных групп.

С точки зрения человеческой жизнедеятельности это тем более странно, поскольку фигура земледельца (трудящегося крестьянина и также трудящегося помещика) составляет ее центральное, ведь «деятельность труда отвечает биологическому процессу человеческого тела, которое в своем спонтанном росте, обмене веществ и распаде питается природными вещами, извлеченными и приготовленными трудом, чтобы предоставить их в качестве жизненных необходимостей живому организму» [1, с. 6].

Ясный диагноз отношениям крестьян и равнодушных к их судьбе интеллигентам одним из первых поставил Тургенев [3] в романе «Отцы и дети» (1862). Фигура героя, казалось, располагала если не к тесному, то, по крайней мере, к доверительному общению лекарского сына и людей из народа. К Базарову тянутся крестьянские дети, легко идет навстречу ему дочка крестьянина Феня – возлюбленная Николая Петровича Кирсанова. Однако у такого рода отношений есть ясный, легко просматриваемый предел. Там, где Базаров возвеличивает науку и полагается на логику и рациональное знание, крестьянин не способен представить и, тем более, допустить иного толкования, кроме архаичного мифа:

«Иногда Базаров отпраплялся на деревню и, подтрунивая по обыкновению, вступал в беседу с каким-нибудь мужиком. “Ну, – говорил он ему, – излагай мне свои воззрения на жизнь, братец: ведь в вас, говорят, вся сила и будущность России, от вас начнется новая эпоха в истории, – вы нам дадите и язык настоящий и законы”. Мужик либо не отвечал ничего, либо произносил слова вроде следующих: “А мы можем... тоже, потому, значит... какой положон у нас, примерно, придел”. – “Ты мне растолкуй, что такое есть ваш мир? – перебивал его Базаров – и тот ли это самый мир, что на трех рыбах стоит?”

– Это, батюшка, земля стоит на трех рыбах, – успокоительно, с патриархально-добродушной певучестью объяснял мужик, – а против нашего, то есть, миру, известно, господская воля; потому

вы наши отцы. А чем строже барин взыщет, тем милее мужику.

Выслушав подобную речь, Базаров однажды презрительно пожал плечами и отвернулся, а мужик побрел восвояси.

– О чем толковал? – спросил у него другой мужик средних лет и угрюмого вида, издали, с порога своей избы, присутствовавший при беседе его с Базаровым. – О недоимке, что ль?

– Какое о недоимке, братец ты мой! – отвечал первый мужик, и в голосе его уже не было следа патриархальной певучести, а напротив, слышалась какая-то небрежная суровость, – так, болтал кое-что; язык почесать захотелось. Известно, барин; разве он что понимает?

– Где понять! – отвечал другой мужик, и, тряхнув шапками и осунув кушаки, оба они принялись рассуждать о своих делах и нуждах. Увы! презрительно пожимавший плечом, умевший говорить с мужиками Базаров (как хвалился он в споре с Павлом Петровичем), этот самоуверенный Базаров и не подозревал, что он в их глазах был все-таки чем-то вроде шута горохового...» [7, с. 317-318].

Но если ученые господа для крестьян – далекие от жизни фигуры, заслуживающие лишь снисходительной улыбки, то и мужики в своем внекультурном бытии не составляют тайны для интеллигенции. На вопрос Павла Петровича, что, по его мнению, думает крестьянин о господах, Базаров отмечает: «– Кто ж его знает! <...> – всего вероятнее, что ничего не думает. Русский мужик – это тот самый таинственный незнакомец, о котором некогда так много толковала госпожа Ратклифф. Кто его поймет? Он сам себя не понимает» [7, с. 291]. Ситуация взаимного непонимания и чуждости столь глубока и непреодолима, что, возможно, должна характеризоваться как один из древних архетипов, присущих как народу, так и интеллигенции.

Эти же попытки знакомства и, более того, заинтересованного анализа ситуаций и даже добродетельного вмешательства интеллигентов-помещиков в крестьянскую жизнь исследовал и Лев Толстой, продолжая в этом отношении выработанную еще Н. Гоголем традицию наставления помещиков [2]. В особенности ясно это видно тогда, когда он не пытался создать из крестьянина (народа) единственно достойный для подражания образец. Так, главное действующее лицо повести «Утро помещика» – оставивший университет девятнадцатилетний князь Нехлюдов, желающий посвятить жизнь устроению счастья се-

ми сотен крестьян доставшегося ему по наследству имения. «Он видел перед собой огромное поприще для целой жизни, которую он посвятит на добро и в которой, следовательно, будет счастлив. Ему не надо искать сферы деятельности: она готова; у него есть прямая обязанность – у него есть крестьяне... И какой отрядный и благодарный труд представляется ему – «действовать на этот простой, восприимчивый, неиспорченный класс народа, избавить его от бедности, дать довольство, передать им образование, которым, по счастью, я пользуюсь, исправить их пороки, порожденные невежеством и суеверием, развить их нравственность, заставить полюбить добро...» [3, с. 366]. Мудрое предостережение тетки – «легче сделать собственное счастье, чем счастье других», остается без внимания. Молодой помещик поселяется в деревне и начинает с того, что прилежно изучает технологию ведения эффективного сельского хозяйства, в том числе обращаясь к идее запрета частной собственности на землю американского экономиста Генри Джорджа.

Читатель застаёт помещика ранним утром, когда он намеревается посетить несколько семей, дабы оказать помощь и наставить хозяев на путь истинный. Четыре крестьянских типа изображает Толстой, но лишь один оказывается таким, который не нуждается не только в наставлениях, но и в помощи барина. У крестьянина Дутлова – литературного родственника тургеневского Хоря [7] – большая семья, восемь троек, а сверх того несколько жеребят, больше сотни ульев и столь многочисленное стадо, что когда вечером скотина возвращается во двор, то в воротах случается давка. Ему, дополнительно арендующему землю и нанимающему работников, помещик не нужен, и от предложения исполу вместе с Нехлюдовым обрабатывать еще один надел хозяин под благовидным предлогом отказывается. (Мы помним, что и тургеневский Хорь не желает выходить из-под ненавязчивой опеки помещика, вполне приспособившись к ее многочисленным плюсам. Очевидно, что в случае толстовского крестьянина, если бы он решился сотрудничать с помещиком, его хозяйственная свобода была бы неизбежно сокращена, а говорить о дополнительной выгоде от какого-либо мошенничества, столь популярного среди «новых деревенских хозяев», и вовсе было бы затруднительно и небезопасно.)

Еще один тип – крестьянин-неудачник, которому досталась глинистая почва, у которого тяжело больна жена, а дети, за исключением семи-

летнего парнишки, девочки. В разговоре с Нехлюдовым Чурисенок – так зовут горемыку – незлобиво сетует: «...подушные прибавили, столовый запас тоже собирать больше стали, а земель меньше стало, и хлеб рожать перестал. Ну, а как межовка пришла, да как он у нас наши навозные земли в господский клин отрезал, злодей, и пошел нас совсем, хоть помирай! Батюшка ваш – царство небесное – барин добрый был, да мы его и не видали, почитай: все в Москве жил; ну, известно, и подводки туда чаще гонять стали. Другой раз распутица, кормов нет, а вези. Нельзя ж и барину без того. Мы этим обижаться не смеем» [3, с. 377].

Не в помощь жене Чурисенка заведенная барином больница – времени оторваться от хозяйства у женщины нет, а сам хозяин просит помещика не принуждать посылать сынишку в школу – он хоть и маленький, а уже помощник, единственная надежда стареющего отца. Что же до заветного желания Нехлюдова сделать из крестьянина на американский манер фермера, для чего переселить на новое место – создаваемый вдали от деревни хутор, то предложение это иначе как страшная беда не воспринимается: на старом месте, хоть все гнилое, да свое, привычное и люди близко.

Третий крестьянский тип – хитрец и пройдоха. Урвать, обмануть, увильнуть от работы – его стихия. При этом единственная тягловая сила в семье – старуха-мать, которой помещик украдкой от сына (неминуемо пропьет) сует денежку. И ведь такое положение стариков-родителей в крестьянских семьях, замечает Толстой, норма: «...это вообще в крестьянстве, когда мать или отец сыну хозяйство передали, то уж хозяин сын и сноха, а старуха уж должна свой хлеб зарабатывать по силе по мочи» [3, с. 346].

Как тут Нехлюдову быть? И он не находит ничего лучше, как на прощанье сделать хитрецу наставление: «...этак жить нельзя, и ты себя погубишь. Подумай хорошенько. Если ты мужиком хорошим хочешь быть, так ты свою жизнь перемени, оставь свои привычки дурные, не лги, не пьянствуй, уважай свою мать. Ведь я про тебя все знаю. Занимайся хозяйством, а не тем, чтоб казенный лес воровать да в кабаки ходить. Подумай, что тут хорошего! Коли тебе в чем-нибудь нужда, то приходи ко мне, попроси прямо, что нужно и зачем, и не лги, а всю правду скажи, и тогда я тебе не откажу ни в чем, что только могу сделать» [3, с. 344].

Просвещение – наставление? Напоминает поведение тургеневского Николая Петровича Кирсанова, который, как сообщает автор в финале «Отцов и детей», «попал в мировые посредники и трудится изо всех сил; беспрестанно разъезжает по своему участку; произносит длинные речи (он придерживается того мнения, что мужичков надо «вразумлять», то есть частым повторением одних и тех же слов доводить их до истомы)» [3, с. 331].

И, наконец, четвертый тип – детина-лежебока, о котором приказчик говорит, что он «совершенный негодяй, лентяй, вор, лгун, мать свою мучит и, как видно, такой закоренелый негодяй, что никогда не исправится». И здесь, как и в разговоре с Чурисенком, вновь проглядывает правда, которую молодой помещик хотя и знает, но все же изо всех сил старается не заметить, обойти: «– Ведь надо работать, братец: без работы что же будет? Вот теперь у тебя хлеба уж нет, а все это отчего? Оттого, что у тебя земля дурно вспахана, да не передвоена, да не вовремя засеяна, – все от лени. Ты просишь у меня хлеба; ну, положим, я тебе дам, потому что нельзя тебе с голоду умирать, да ведь этак делать не годится. Чей хлеб я тебе дам? как ты думаешь, чей? Ты отвечаешь: чей хлеб я тебе дам? – упорно допрашивал Нехлюдов.

– Господский, – пробормотал Давыдка, робко и вопросительно поднимая глаза.

– А господский-то откуда? рассуди-ка сам, кто под него вспахал? заскородил? кто его посеял, убрал? мужички? так? Так вот видишь ли: уж если раздавать хлеб господский мужикам, так надо раздавать тем больше, которые больше за ним работали, а ты меньше всех, – на тебя и на барщине жалуются, – меньше всех работал, а больше всех господского хлеба просишь. За что же тебе давать, а другим нет? Ведь коли бы все, как ты, на боку лежали, так мы давно все бы на свете с голоду умерли. Надо, братец, трудиться, а это дурно – слышишь, Давыд?

– Слушаю-с, – медленно пропустил он сквозь зубы» [3, с. 345].

Что же это за известная народу и интеллигенции правда? Она проста: помещик живет за счет труда крестьянина, полуживотного существования мужиков, баб, стариков и детишек, их нищеты, болезней, ранних смертей. «Народ вымирает, – размышляет Нехлюдов, – привык к своему вымиранию, среди него образовались приемы жизни, свойственные вымиранию, – умирание детей, сверхсильная работа женщин, недостаток пищи для всех, особенно для стариков. И так понемногу приходил народ в это положение, что он

сам не видит всего ужаса его и не жалуется на него. А потому и мы считаем, что положение это естественно и таким и должно быть. Теперь ему было ясно, как день, что главная причина народной нужды, сознаваемая и всегда выставляемая самим народом, состояла в том, что у народа была отнята землевладельцами та земля, с которой одной он мог кормиться. А между тем ясно совершенно, что дети и старые люди мрут оттого, что у них нет молока, а нет молока потому, что нет земли, чтобы пасти скотину и собирать хлеб и сено. Совершенно ясно, что все бедствие народа или, по крайней мере, главная, ближайшая причина бедствия народа в том, что земля, которая кормит его, не в его руках, а в руках людей, которые, пользуясь этим правом на землю, живут трудами этого народа. Земля же, которая так необходима ему, что люди мрут от отсутствия ее, обрабатывается этими же доведенными до крайней нужды людьми для того, чтобы хлеб с нее продавался за границу и владельцы земли могли бы покупать себе шляпы, трости, коляски, бронзы и т. п. Это было ему теперь так же ясно, как ясно было то, что лошади, запертые в ограде, в которой они съели всю траву под ногами, будут худы и будут мереть от голода, пока им не дадут возможности пользоваться той землей, на которой они могут найти себе корм... И это ужасно и никак не может и не должно быть. И надо найти средства, для того чтобы этого не было, или, по крайней мере, самому не участвовать в этом» [5, с. 226].

Но даже тогда, когда чужак-помещик передает крестьянам часть и даже всю свою землю, как это произошло в другой деревне, Паново, благодарности нет и желанных добрых отношений между ним и крестьянами не возникает. Даже те из крестьян, кто благодарил его, все равно казались недовольными и ожидавшими чего-то большего. «Они были несомненно убеждены в том, что всякому человеку свойственно соблюдать свою выгоду. Про помещиков же они давно уже по опыту нескольких поколений знали, что помещик всегда соблюдает свою выгоду в ущерб крестьянам. И потому, если помещик призывает их и предлагает что-то новое, то, очевидно, для того, чтобы как-нибудь еще хитрее обмануть их» [5, с. 229-230]. Пропасть, разделяющая народ и интеллигенцию, не уменьшается.

Тема чуждости людей друг другу проявилась в творчестве Толстого намного ранее его обращения к проблематике народа и интеллигенции. Наблюдения, сделанные юнкером Толстым на

Кавказе еще в 1851 г. и взятые за основу при написании повести «Казачи», были первым к тому толчком. В эпизоде, когда Дмитрий Оленин дарит Лукашке одного из своих коней, недоверие между народом (казаками) и барином (офицером) сохраняется. Лукашка не понимает, зачем ему сделан подарок: «...в голове его бродили неясные подозрения в дурных умыслах юнкера. В чем состояли эти умыслы, он не мог дать себе отчета, но и допустить мысль, что так, ни за что, по доброте незнакомый человек подарил ему лошадь в сорок монетов, ему казалось невозможно. Коли бы пьяный был, тогда бы еще понятно было: хотел покуражиться. Но юнкер был трезв, а потому, верно, хотел подкупить его на какое-нибудь дурное дело. “Ну да врешь! – думал Лукашка. – Конь-то у меня, а там видно будет. Я сам малый не промах. Еще кто кого проведет! Посмотрим!” – думал он, испытывая потребность быть настороже против Оленина и потому возбуждая в себе к нему недоброжелательное чувство. Он никому не рассказывал, как ему достался конь. Одним говорил, что купил; от других отделялся уклончивым ответом. Однако в станице скоро узнали правду. Мать Лукашки, Марьяна, Илья Васильевич и другие казаки, узнавшие о беспричинном подарке Оленина, пришли в недоумение и стали опасаться юнкера» [5, с. 237]. В довершение казаками было даже решено, что «юнкера – народ продувной», от которого можно ждать всего, хотя бы и поджога станицы.

Библиографический список

1. Арендт, Х. Vita Activa, или О деятельной жизни [Текст] / Х. Арендт. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2017. – 246 с.
2. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений в девяти томах. Т. 6. Выбранные места из переписки с друзьями [Текст] / Н. В. Гоголь. – М.: Русская книга, 1994. – 560 с.
3. Никольский, С. А., Филимонов, В. П. Русское мировоззрение. Т. 2. Как возможно в России позитивное дело: поиски ответа в отечественной философии и классической литературе 40-х – 60-х годов XIX столетия [Текст] / С. А. Никольский, В. П. Филимонов. – М.: Прогресс – традиция, 2009. – 543 с.
4. Никольский, С. А. Горький и народ: новое слово в российской традиции «народолюбия» [Текст] / С. А. Никольский // Ярославский педагогический вестник. – 2018. – № 4. – С. 293-298.
5. Толстой, Л. Н. Собр. Соч. в двадцати двух томах. Т. 2. Утро помещика [Текст] / Л. Н. Толстой. – М.: Художественная литература, 1979. – 421 с.

6. Толстой, Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. 3. Казаки [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1983. – 478 с.

7. Толстой, Л. Н. Собр. соч. в двадцати двух томах. Т. 13. Воскресение [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Художественная литература, 1983. – 494 с.

8. Трифонов, Ю. Нетерпение. Повесть об Андрее Желябове [Текст] / Ю. Трифонов. – М. : Издательство политической литературы, 1974. – 512 с.

9. Тургенев, И. С. Собр. Соч. в двенадцати томах. Т. 1 [Текст] / И. С. Тургенев. – М. : Художественная литература, 1975. – 396 с.

10. Тургенев, И. С. Собр. Соч. в двенадцати томах. Т. 3 [Текст] / И. С. Тургенев. – М. : Художественная литература, 1976. – 390 с.

Reference List

1. Arendt, H. Vita Activa, ili O dejatel'noj zhizni = Vita Activa, or About active life [Tekst] / H. Arendt. – M. : Ad Marginem Press, 2017. – 246 s.

2. Gogol', N. V. Sbranie sochinenij : v devjati tomah. T. 6. Vybrannye mesta iz perepiski s druž'jami = Collection of works in nine volumes. V. 6. Selected parts from conversation with friends [Tekst] / N. V. Gogol'. – M. : Russkaja kniga, 1994. – 560 s.

3. Nikol'skij, S. A., Filimonov, V. P. Russkoe mirovozzrenie. T. 2. Kak vozmozhno v Rossii pozitivnoe delo: poiski otveta v otechestvennoj filosofii i klassicheskoj literature 40-h – 60-h godov XIX stoletija = Russian worldview. V. 2. How is a positive affair possible in Russia: search for an answer in the domestic philosophy and classical literature of the 1940s – 1960s. [Tekst] / S. A.

Nicol'skij, V. P. Filimonov. – M. : Progress – tradicija, 2009. – 543 s.

4. Nikol'skij, S. A. Gor'kij i narod: novoe slovo v rossijskoj tradicii «narodoljubija» = Gorky and people: a new word in the Russian tradition of «love of people» [Tekst] / S. A. Nikol'skij // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2018. – № 4. – S. 293-298.

5. Tolstoj, L. N. Sbr. Soch. v dvadcati dvuh tomah. T. 2. Utro pomeshhika = Collection of works in twenty-two volumes. V. 2. Landlord 's Morning [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1979. – 421 s.

6. Tolstoj, L. N. Sbr. soch. v dvadcati dvuh tomah. T. 3. Kazaki = Collection of works in twenty-two volumes. V. 3. Kazaki [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1983. – 478 s.

7. Tolstoj, L. N. Sbr. soch. v dvadcati dvuh tomah. T. 13. Voskresenie = Collection of works in twenty-two volumes. V. 13. Sunday [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1983. – 494 s.

8. Trifonov, Ju. Neterpenie. Povest' ob Andree Zheljabove = Impatience. The Tale about Andrei Zheliabov [Tekst] / Ju. Trifonov. – M. : Izdatel'stvo političeskoj literatury, 1974. – 512 s.

9. Turgenev, I. S. Sbr. Soch. v dvenadcati tomah. T. 1 = Turgenev. I. S. Collection of works in twelve volumes. V. 1 [Tekst] / I. S. Turgenev. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1975. – 396 s.

10. Turgenev, I. S. Sbr. Soch. v dvenadcati tomah. T. 3 = Turgenev. I. S. Collection of works in twelve volumes. V. 3 [Tekst] / I. S. Turgenev. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1976. – 390 s.